

ВЕСТФАЛЬСКАЯ МИРНАЯ СИСТЕМА И РОССИЯ

Осенью 1998 г. европейская научная общественность отметила 350-летие заключения Вестфальского мира. Какое место заняла Россия в складывавшейся системе международных отношений?

Внешняя политика, проводимая Россией в первые годы после заключения Вестфальского мира, неоднократно привлекала внимание исследователей. Отношения России с Польшей, подготовка Русского государства к борьбе за воссоединение с Украиной уже стали предметом монографического исследованияⁱⁱ. В литературе также были рассмотрены предпосылки русско-шведской войны 1656-1661 гг., взаимоотношения России, Польши и Швеции в 1654-1655 гг.ⁱⁱⁱ Между тем русская дипломатия второй половины 1650-х гг., периода, когда в русской политике вновь проступили тенденции, наметившиеся во время Тридцатилетней войны, в гораздо меньшей мере привлекали к себе внимание исследователей.

В данной работе в первую очередь предполагается сравнить расстановку политических сил, существовавшую в период Тридцатилетней войны и возникшую после подписания Вестфальского мира, рассмотреть альтернативные возможности присоединения России к союзам, формировавшимся в Европе после 1648 г. Автор видит свою задачу в том, чтобы показать влияние имевшихся тогда альтернатив на реальный внешнеполитический курс России. Под таким углом зрения тема до сих пор в литературе не рассматривалась.

Вестфальский мир 1648 г. положил конец Тридцатилетней войне (1618-1648), возникшей в результате противостояния австрийских Габсбургов и протестантских государств, - двух коалиций, боровшихся за гегемонию в Европе.

Мир был заключен в результате работы первого в истории Европы международного конгресса, проходившего одновременно в Мюнстере и Оснабрюке (Россия не принимала в нем непосредственного участия, хотя и стала гарантом подписанного мира. В Оснабрюкском мирном договоре царь Алексей Михайлович был назван союзником Швеции)^{iv}.

Завершилась последняя война уходящего в прошлое средневековья. Она начиналась как религиозная война между католиками и протестантами. И те, и другие шли в бой под знаменем религиозного универсализма, за единство всех католиков или, наоборот, всех протестантов. Но под оболочкой религиозной борьбы скрывались прагматические цели. На место *ratio conscience* (религиозного сознания) пришло *ratio status* (государственное сознание). Это стало окончательно очевидно, когда на стороне протестантской Швеции в войну вступила католическая Франция (1635). Основной задачей Швеции было сломить господство Австрии на Балтийском море. Франция также стремилась покончить с всесильной властью австрийских Габсбургов.

С завершением Тридцатилетней войны на смену политическому господству австрийских Габсбургов пришло господство Франции и Швеции. Эти государства, стремясь закрепить достигнутый статус-кво и добиться максимального ослабления Австрии, выдвинули идею коллективной безопасности. Кардинал Ришелье, представлявший интересы Франции, выступал за правовое обеспечение установившейся системы равновесия сил. В

свою очередь Швеция предлагала модель политического равновесия, которая должна была гарантировать мир для трех держав - Швеции, Франции и Австрии^v. В результате был установлен политический баланс, при некоторых нарушениях продолжавший существовать вплоть до XX столетия. Шло формирование международной политической системы, в которую в той или иной мере оказались втянутыми все европейские государства. Каждое из них должно было выбирать внешнеполитический курс и решать вопрос о войне и мире, учитывая возникшее равновесие.

Позиции Франции укрепились еще во время Тридцатилетней войны. Содержание последующего периода европейской истории должно было составить противостояние Франции и Англии. Но в 1640-х гг. Англия переживала революцию. В начале 1650-х гг. страна перешла к активной внешней политике и начала войну с Голландией (1652). Франция продолжала войну с Испанией. Однако противостояние австрийских Габсбургов и Франции близилось к завершению, а соперничество Франции и Англии еще не успело набрать силу.

На севере и востоке Европы по-прежнему создавала военную угрозу для своих соседей Швеция. Живя за счет ограбления вновь присоединяемых земель, она была обречена вести непрерывные войны, прибегая, при отсутствии денег в собственной казне, к займам у Франции. Важнейшим источником существования Швеции с ее отсталой экономикой "таможенной королевства" являлась балтийская торговля (после заключения Столбовского мира 1617 г. эта страна полностью контролировала русскую торговлю на Балтике, беря на себя посредническую роль). Неудивительно поэтому, что Швеция стремилась к полному господству на Балтике. Во второй четверти XVII в. балтийский вопрос стал одним из основных узлов международных противоречий^{vi}. С утратой Габсбургами господствующих позиций на Балтике на первый план неминуемо должны были выступить противоречия Швеции с другими государствами балтийского региона, прежде всего с Данией, продолжавшей контролировать Зунд, взимая зундские пошлины, и Польшей. При этом речь шла в значительной мере о борьбе за обладание русских рынком.

Еще до заключения Вестфальского мира, в 1643-1645 гг., Дания и Швеция вступили в войну. При этом Дания шла на сближение с государствами католического лагеря и с Бранденбургом получившим независимость от Польши. Начавшаяся война свидетельствовала о том, что при утрате Австрией своего бывшего могущества система политических союзов являлась достаточно зыбкой. С затуханием основного конфликта периода Тридцатилетней войны - между католиками и протестантами - стали всплывать на поверхность всегда существовавшие противоречия между отдельными странами Балтийского региона. Вестфальский мир оказался недолговечным: Швеция торопилась возобновить вооруженную борьбу со своими соседями, снова возникла угроза обострения датско-шведских противоречий^{vii}. В 1652 г. император Фердинанд III предпринял попытку склонить Данию к оборонительному и наступательному союзу.

Уже в 1655 г. в результате нападения Швеции на Польшу началась Первая северная война во время которой против Швеции воевали Дания, Австрия и Бранденбург. Между последними был заключен союз, наметившийся еще в годы Тридцатилетней войны. Новая война не приобрела общеевропейского характера: Франция и Испания, ведущие Пиренейскую войну, не приняли в ней участия, хотя Франция оказывала финансовую поддержку Швеции. Однако в

Первую северную войну было втянуто значительное число государств. Она представляла собой войну коалиционную и оказала существенное влияние на развитие системы международных отношений. Смещение интересов ее участников, по сравнению с Тридцатилетней войной в сторону Балтики вело к дальнейшему втягиванию государств балтийского региона в общеевропейский процесс.

В отличие от Тридцатилетней войны, хотя бы номинально носившей религиозный характер теперь шла откровенная борьба за господство на Балтике, а о религиозных принципах мало кто вспоминал, хотя Австрия традиционно воевала на стороне Польши, а в поддержку Швеции в войну вступила протестантская Трансильвания.

Как же соотносились внешнеполитический курс России и политика западноевропейских держав до и после 1648 г.?

Россия медленнее, чем другие страны, втягивалась в систему международных отношений и соответственно, оказывала незначительное влияние на ее формирование. В какой-то мере это было обусловлено географическим положением страны, отделенной от основных европейских государств Польшей. Существенную роль играли цивилизационные отличия православной России от протестантско-католической Европы. Страна сохраняла самобытность, в силу чего ее воспринимали как "варварское" государство, с которым лучше не иметь дело и которое едва ли можно считать равноправным партнером.

Вместе с тем все больше ощущалась заинтересованность европейских держав в России как в торговом партнере - именно за право вести торговлю на московском рынке боролись Дания и Швеция. Особый интерес представлял волжский торговый путь, используя который можно было торговать с Персией. Но при этом к России относились как к слаборазвитому государству, поставщику сырья. Во время Тридцатилетней войны европейские державы стремились к эксплуатации русского сырьевого рынка путем торговли на невыгодных для русской стороны условиях или путем колонизации русских земель^{viii}.

Как справедливо подчеркивал А. Сорель, "Россия не могла расти и развиваться, не открывая себе путей для торговли и доступа к цивилизации. Путь для торговли - это значило Балтийское море, а его запирали шведы; путь к цивилизации - это была старая Европа, а Польша стояла поперек дороги. Отсюда вытекал коренной антагонизм между русскими, поляками и шведами также, как между русскими и турками"^{ix}.

Россия не могла остаться в стороне от конфликтов, возникавших в балтийском регионе, и еще в XVI в. активно добивалась получения выхода к Балтийскому морю. Здесь она столкнулась со Швецией, стремившейся превратить Балтику в свое внутреннее море. Неизбежными для Русского государства оказались и войны с Польшей, под властью которой находились белорусские и украинские земли, а в период Смуты попали и западнорусские земли. Так как Россия прежде всего была заинтересована в возвращении исконных русских территорий, выбор политического курса делался в значительной мере без учета системы европейского политического равновесия. Однако Вестфальский мир и последующее вступление Швеции в войну с рядом европейских государств должны были наложить определенный отпечаток на внешнюю политику России. Русское государство искало союзников для борьбы со Швецией. В качестве таковых могли выступить Дания и Польша. Наоборот,

борьба с Польшей объединяла Россию и Швецию. Польше оказывала поддержку Австрия. Но так как Польша занимала периферийное положение по отношению к другим европейским странам, контакты России с которыми шли через Польшу, Россия с запозданием включилась в общеевропейский процесс. Историки неоднозначно отвечают на вопрос о том, можно ли говорить об участии Польши в Тридцатилетней войне. По крайней мере она не входила в число основных участников конфликта. Хотя, сталкиваясь с Польшей, Россия опосредованно втягивалась в связи с другими государствами, сближение Москвы с противниками Польши имело ограниченное значение для формирования системы международных отношений.

Тем не менее Россию не могли обойти стороной происходившие на международной арене события, и основные участники Тридцатилетней войны - Австрия и Швеция - были вынуждены учитывать ее позицию. Россия, в свою очередь, должна была проводить собственную политику, принимая во внимание место этих стран в системе международных отношений, вступая в переговоры с третьими государствами - их потенциальными сторонниками и противниками. Общность интересов России и Швеции в борьбе с Польшей обусловила тяготение первой к протестантским государствам. После окончания Смуты, поняв ненадежность Польши и Турции как союзников, правительство царя Михаила Федоровича стремилось к сближению с государствами антигабсбургской коалиции, видя в них союзников по борьбе с Польшей^x. Между тем Швеция, а вслед за ней и Франция рассматривали Россию как противника Польши. Швеции впервые выступила в качестве союзника России в войне с Польшей еще в годы Смуты (рассчитывая при этом захватить русские земли).

Пропасть между православием и протестантизмом оказалась меньшей, нежели между протестантизмом и католичеством, разделенными традиционной враждой. Специфика Тридцатилетней войны, под религиозной оболочкой которой скрывались прагматические цели, подталкивала протестантские державы искать союза с Россией и добиваться поддержки Константинопольской патриархии. Во второй четверти XVII в. в России усилился интерес к кальвинизму и возобладало терпимое отношение к протестантам, что создавало условия для сближения со странами соответствующего политического блока. На переговорах шведы активно использовали идеи единства интересов протестантов и православных в борьбе с католиками. Начиная с 1620-х гг. Швеция неоднократно ставила вопрос о союзе с Россией против католической Польши, указывая на общность интересов^{xi}. Сотрудничество России с протестантскими державами осуществлялось на деле. Во время войны Россия оказывала активную помощь государствам антигабсбургской коалиции, поставляя на льготных условиях зерно, которое союзники затем перепродавали Голландии^{xii}.

В конце 1620-х гг., когда Франция и Швеция стремились добиться активизации русской политики, Россия оказалась в центре переговоров о создании восточной антипольской коалиции^{xiii}. Надеясь на помощь Швеции и Турции, в 1632 г. она начала Смоленскую войну против Польши. Хотя союз со Швецией мог бы быть вполне реальным, Швеция не оказала России обещанной поддержки - конфликт с Польшей являлся периферийным по отношению к основному конфликту Тридцатилетней войны. В результате Смоленская война была проиграна. (В случае союза России и Швеции к нему могли бы присоединиться Трансильвания и украинское казачество, но планы эти

оказались нереализованными.) Война продемонстрировала ненадежность Швеции как союзника. В условиях перехода русского правительства к политике протекционизма русско-шведские противоречия могли в любой момент обостриться. В России все громче раздавались голоса тех, кто добивался возобновления борьбы за выход к Балтийскому морю.

В 1643 г., когда началась война Дании и Швеции, Дания стала стремиться к сближению с Россией. В это время в Москве взяла верх партия Я.К. Черкасского - Ф.Ф. Шереметева, выступавших за заключение брака датского королевича Вальдемара с русской царевной Ириной Михайловной. Королевич рассматривался как возможный кандидат на русский престол. В случае осуществления династического союза Россия могла бы получить статус благоприятствования на Балтике^{xiv}. Польша также была готова поддержать Данию в борьбе со Швецией. Польская дипломатия совершила конкретные шаги, направленные на формирование союза Польши с Данией, Австрией и Россией^{xv}. В Швеции и Франции выражали серьезные опасения относительно возможности такого союза^{xvi}. Но договориться о союзе с Россией Польша и Дания так и не смогли. Ослабление партии Я.К. Черкасского-Ф.Ф. Шереметева привело к отказу русской стороны от брака с Вальдемаром и к переориентации ее на Швецию.

Однако в основном в 1640-х гг. Россия была поглощена борьбой с татарской ордой, в значительной мере отойдя от активной политики в западном направлении. Она шла на сближение с Польшей во имя совместных действий против поддерживавшей татар Турцией. Но происходившие переговоры так и не принесли существенных результатов^{xvii}.

Хотя в конце 1620-х - 1630-е гг. Россия непосредственно не входила в формировавшуюся систему международных отношений, а в 1640-е гг. переключилась главным образом на восточное направление, события периода Тридцатилетней войны показали, что страна, играя существенную роль в восточноевропейском регионе, стала реальной политической силой, с которой были вынуждены считаться европейские державы. Значительно возрос военный потенциал страны. Он оказывался сопоставимым с военным потенциалом европейских стран, что наглядно проявилось во время русско-шведской войны 1656-1661 гг., совпавшей по времени с Первой северной войной: из 25 тыс. человек, потерянных шведами в балтийских провинциях, 13 тыс. приходились на фронты русской войны^{xviii}.

Теперь Россию трудно было сбрасывать со счетов при решении международных вопросов в Европе. Именно поэтому Москве, как уже говорилось, было предложено выступить в роли гаранта при подписании Вестфальского мира. Вопрос об учете позиции России должен был неизбежно возникать в случае вступления Швеции и Польши в борьбу с другими государствами. Тем не менее несмотря на возрастание политической роли и военного потенциала страны европейские державы по-прежнему не хотели рассматривать ее в качестве равноправного партнера. В Вестфальском мирном договоре Алексей Михайлович был назван не "государем", а "великим князем".

В конце 1640-х - начале 1650-х гг. у России вновь возникла возможность возобновить борьбу против Польши и Швеции. Усилились связи России с украинским казачеством, постоянно испытывавшим притеснения со стороны польских католиков. В условиях борьбы за национальную независимость казачество все в большей мере шло на сближение с Россией. На Земском соборе в Москве в 1653 г. было принято решение о воссоединении Украины с Россией,

что на деле означало неизбежную войну с Польшей. Начиная ее, Россия попыталась упрочить мирные отношения со Швецией, куда в 1649 г. было направлено посольство для подтверждения Столбовского мирного договора 1617 г. В России питали определенные опасения относительно возможности обострения русско-шведских отношений. В Швеции получили сведения, что русские напуганы заключением Вестфальского мира и выводом шведских войск из Германии^{xix}.

Россия стремилась к переговорам с державами, которые проявляли интерес к торговле с ней и на которые она в связи с этим могла оказать косвенное давление. Это были протестантские государства - союзники России времен Тридцатилетней войны. В первую очередь встал вопрос о позиции Швеции, а также Нидерландов и Дании. В эти страны в октябре-декабре 1653 г. Россия направила посольства, желая заручиться их нейтралитетом. Швеция согласилась оказать России помощь оружием. Нидерланды выразили формальное неодобрение по поводу начавшейся войны, но тем не менее вопрос о предоставлении русским оружия был решен положительно. Дания высказалась против начала русско-польской войны. Франция отдала предпочтение сохранению мира^{xx}. В мае 1654 г. из Москвы были направлены посольства и в те страны, относительно политики которых Россия питала основательные сомнения: в Бранденбург и Австрию. Бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм отрицательно отнесся к русско-польскому конфликту, так как был заинтересован в сохранении Польши в качестве противовеса Швеции. Император Фердинанд III согласился сохранять нейтралитет. Оба поставили вопрос о своем посредничестве в конфликте^{xxi}.

Уже начав войну с Польшей, Россия стала склоняться к возобновлению борьбы за выход к Балтийскому морю. Желание проводить политику, враждебную по отношению к Швеции, было связано с изменениями в расстановке политических сил при дворе, с приходом в политику новых людей, с усилением влияния на Алексея Михайловича Ордина-Нащокина - активного проводника политики протекционизма. Борьба за Балтику отвлекала Москву от борьбы с Польшей, которая соответствовала ее наиболее существенным интересам; так как Швеция и Польша имели союзников, находившихся в разных политических лагерях, возникала угроза дипломатической изоляции России. Однако война со Швецией началась в 1656 г. Россия оказалась втянута в войну на два фронта.

Политика Русского государства в связи с вступлением его в войну со Швецией была противоречивой. Возможность для России найти свое место в системе международных отношений затруднялась двойственностью ее политики, отсутствием готовности присоединиться к одной из складывающихся коалиций.

В новой ситуации был поставлен на повестку дня союз Украины со Швецией и Трансильванией в борьбе против Польши. Союз Богдана Хмельницкого, трансильванского князя Ракоци II и шведского короля Карла X Густава был реализован в годы Первой северной войны. Несмотря на начавшуюся в это время войну России и Швеции, Б. Хмельницкий активно добивался, чтобы Россия продолжала борьбу с Польшей, причем гетман надеялся на сближение России с Трансильванией. Возможность союза Швеции с Украиной, Трансильванией и Россией обсуждал Делагарди, командовавший шведскими войсками на ливонском фронте^{xxii}. Идею подобного союза поддержал в начале 1657 г. А. Нестеров, отправленный правительством Алексея

Михайловича в Литву для ведения переговоров^{xxiii}. Правда, в случае завоевания шведами Польши последняя могла стать зоной русско-шведских противоречий, а Швеция могла бы предъявить претензии на украинские земли - уже в начале 1656 г. Б. Хмельницкий опасался шведов^{xxiv}.

На переговорах со Швецией, возможно под влиянием предложений шведов о союзе против Турции (такие предложения делались шведскими послами в Москве в 1656 г.), Б. Хмельницкий, являясь проводником интересов России, ставил вопрос о создании антитурецкой коалиции в составе Швеции, России и Украины в союзе с Венецией, дунайскими княжествами и славянскими народами Балкан. Б. Хмельницкий понимал неизбежность столкновения Швеции с Турцией в случае завоевания Карлом X Густавом Польши. Подобная коалиция могла стать альтернативным вариантом русской политики^{xxv}.

Союз России, Швеции, Украины и Трансильвании, который в условиях начавшейся польско-шведской войны продолжил бы традицию союзов России с протестантскими государствами, так и не был реализован в связи с обострением русско-шведских противоречий. Момент, когда Россия была готова поддержать Швецию и протестантские государства, остался позади.

Так как Россия начала войну со Швецией, возник вопрос о присоединении России к антишведскому лагерю. В европейских политических кругах витала идея создания общеевропейской антишведской коалиции, в основу которой лег бы союз католических держав с Данией, - такой союз повторял группировку сил, наметившуюся в 1643 г. Теперь в связи с разрастанием конфликта Швеции с Польшей, Данией и Россией потребность в таком союзе возросла. С нападением Швеции на Польшу и началом Первой северной войны датский надворный советник Герсдорф в 1656 г. обратился к испанскому посланнику в Дании графу Реболledo с проектом создания наступательного и оборонительного союза против Швеции в составе Испании, Голландии, России, Австрии и Дании^{xxvi}.

Россия предприняла дипломатические шаги, направленные на сближение с Данией, куда в 1656 г. дважды ездил русской гонец. Однако русско-датские переговоры продвигались медленно и не давали заметных результатов; складывалось ощущение, что Дания опасается заключать союз с Россией^{xxvii}. Несмотря на активизацию политики Москвы по отношению к Бранденбургу, русской дипломатии также не удалось добиться заметного успеха - Фридрих-Вильгельм занимал по отношению к Швеции непоследовательную позицию, рассматривая Карла X Густава как союзника в борьбе против Польши. Еще более проблематичной оказалась возможность сближения России с враждебной Польшей. В 1655 г. Австрия пыталась предложить свое посредничество в русско-польских переговорах, но оно было отклонено русской стороной. В 1656 г. в связи с вступлением русского государства в войну со шведами между двумя странами состоялись Виленские переговоры. Россия предлагала план избрания русского царя на польский престол, надеясь при этом на существенные территориальные уступки со стороны Польши. При этом российская дипломатия рассчитывала выиграть время в русско-польском конфликте. Однако посольства разъехались, так и не подписав текст соглашения об избрании царя на польский престол.

Антишведская коалиция оформилась в 1657 г. Однако в ее основу лег союз враждебных России Австрии и Польши. В результате, когда союз Австрии, Дании, Польши и Бранденбурга был реально заключен, вопрос о возможности присоединения к нему России оставался открытым и так и не был решен при

сохранении острых русско-польских противоречий. Во время переговоров Бранденбурга, Дании и Австрии в Берлине в начале 1658 г. император Фердинанд III поставил своих союзников в известность о том, что, возможно, придется помочь Польше в борьбе против России и Украины.^{xxviii}

Швецией, фактически оставшись без союзников, Россия вынуждена была в 1661 г. заключить мир со Швецией на условиях Столбовского мира. Война с Польшей затянулась до 1667 г.

Таким образом, в период Тридцатилетней войны в обстановке противостояния протестантов и католиков Россия выступила в поддержку протестантских стран. С ослаблением противоречий со Швецией и Австрией на первый план выдвигались разногласия между Швецией и другими государствами балтийского региона. После заключения Вестфальского мира наиболее реалистичным выглядел антипольский союз Швеции со своими бывшими союзниками по протестантскому лагерю - Россией и Трансильванией с привлечением к этому союзу Украины. В то же время в 1640-х гг. в связи с обострением противоречий Швеции и Дании наметился контур и другого возможного союза - антишведской коалиции Дании, Польши, Австрии, России. Вопрос о возможности формирования подобного рода коалиции вновь возник в середине 1650-х гг., когда Швеция напала на Польшу, а Россия начала войну против Швеции. Но сближение России с антишведской коалицией было затруднено при сохранявшихся русско-польских противоречиях.

Резкое изменение внешнеполитического курса России, объявление ею в 1656 г. войны Швеции привело к тому, что она не вошла ни в одну из двух коалиций, которые наметились в ходе Тридцатилетней войны. Тем не менее период, последовавший за заключением Вестфальского мира, может быть охарактеризован как время дальнейшего втягивания России в систему международных отношений. Это было обусловлено активизацией ее внешней политики и возникновением в балтийском регионе крупного военного очага. Дипломатическая активность Москвы на Балтике значительно усилилась. Ни одно государство балтийского региона уже не могло сбрасывать Россию со счетов. Ее охватил общеевропейский политический процесс.

ⁱ Кобзарева Елена Игоревна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

ⁱⁱ Голобуцкий В. Дипломатическая история освободительной борьбы украинского народа 1648-1654 гг. Киев, 1962

ⁱⁱⁱ Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. // Ученые записки ЛГУ. № 130. Сер. исторических наук. Вып. 18. Л., 1951; Заборовский Л. В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981

^{iv} Rauch G. von. Moskau und die europaischen Machte des 17. Jahrhunderts // Historische Zeitschrift. Bd. 178. H. I. 1959. S. 34

^v Lundkvist S. Die schwedischen Kriegs- und Friedensziele 1632-1648 // Krieg und Politik 1618-1648. Europäische Probleme und Perspektiven. Munchen, 1988. S. 235-237; Lisk J. The Struggle for Supremacy in the Baltic. 1600-1725. N.Y., 1967. P. 75.

^{vi} Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 18

^{vii} Olofsson S. I. Efter Westfaliska freden. Sveriges yttre politik 1650-1654. Uppsala,

^{viii} Приехавшие в Россию голландские купцы просили, чтобы им разрешили обрабатывать пустующие земли. Член английской Московской торговой компании Дж. Картрайт в 1637 г. также полагал, что выходцы из протестантских стран могут селиться в России на пустующих землях. - Телегина Э. П. К вопросу о торгово-промышленной деятельности англичан в России в 30-40-е годы XVII века // Ученые записки Благовещенского ин-та. Т. 9. Ист.-фил. фак. 1958. С. 230; Сборник РИО. Т. 116. М., 1902. С. 79, 167-168

^{ix} Сорель А. Европа и французская революция. Т. 1. Политические нравы и традиции. СПб., 1892. С. 399

^x См.: Флоря Б. Н. Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986. С. 168

^{xi} Leitsch W. Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert. Bd. I. 1604-1654. Graz; Köln, 1960. S. 249; Инструкция Густава-Адольфа Э. фон Бремену, Г. фон Унгерну. 20.11.1626 // Форсте и Г.В. Акты и письма к истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 2. СПб., 1883. С. 83

^{xii} Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 217-228

^{xiii} Флоря Б. Н. К истории установления политических связей между русским правительством и высшим греческим духовенством (на примере Константинопольской патриархии) // Связи России с народами Балканского полуострова. Первая половина XVII в. М., 1990

^{xiv} Филина Е. И. "Придворные партии" в политической борьбе в России в 30-50-е гг. XVII в. Автореф. диссерт. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 7, 11

^{xv} Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. Ч. 3. М., 1862. С. 127-128; Leitsch W. Op. cit. S. 259; Czaplinski W. Wladyslaw IV wobec wojny 30-letniej (1637-1645). Krakow, 1937. S. 72-77

^{xvi} Dickmann F. Der Westfälischen Frieden. Munster, 1965. S. 120, 123

^{xvii} Флоря Б. Н. К истории переговоров о русско-польском антиосманском союзе в середине 40-х гг. XVII в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 126-133.

^{xviii} Fagerlund R. Kriget i Östersjöprovinserna. Operationer och Krigansträngningar på en bikrigsskådeplats under Carl X Gustaf krig. Carl X Gustaf - Studier. 7. Krig. Stockholm, 1979. S. 222.

^{xix} Кан А. С. Стокгольмский договор 1649 года // Скандинавский сборник. Вып. 1. М., 1958. С. 103

^{xx} Заборовский Л. В. Указ. соч. С. 31-34

^{xxi} Там же. С. 35-37

^{xxii} Delagardie M. - Carl X Gustav. 23.11.1657 // Riks Arkivet (Stockholm). Livonica II. V. 78.

^{xxiii} Отписка А. Нестерова. 18 февраля 1657 // РГАДА, ф. 79, оп. 1, 1656 г., №44, л. 160-161

^{xxiv} Заборовский Л. В. Недооцененный документ Б. Хмельницкого? // Славяноведение. 1992. № 6. С. 54-57

^{xxv} Инструкция Б. Хмельницкого аббату Даниилу. Х. 1655 // Архив Юго-Западной России. Ч. 3. Т. 6. Киев, 1908. С. 91; Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987. С. 129, 169

^{xxvi} Carlbohm J. L. Magnus Dureels negotiation i Kopenhamn 1655-1657. Sveriges och Danmarks inbordes förhållande under åren närmast före Karl X:s första Danska krig.

Goteborg, 1901. S. 168

^{xxvii} Christensen S. A. Danish-russische Verhandlungen und Russische Aussenpolitik in den Jahren 1656-1659 // Scando-Slavica. T. 21. 1975; Статейные списки Д. Мышецкого // РГАДА, ф. 53, оп. 1, кн. 11, 12

^{xxviii} Kubala L. Wojny dunskie i pokoi Oliwski. Lwow, 1922. S. 34